

Три царства - медное, серебряное и золотое — эпизод 3 из 4

Только Иван-царевич успел под порфиру укрыться, как вдруг на дворе потемнело, все кругом затряслось; налетел Вихрь, ударился о землю, сделался добрым молодцем и входит во дворец; в руках у него боевая палица. "Фу-фу-фу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?" Отвечает царица: "Не знаю, отчего тебе так сдается". Вихрь бросился ее обнимать-целовать, а Иван-царевич тотчас за палицу. "Я тебя съем!" - закричал на него Вихрь. "Ну, бабка надвое сказала: либо съешь, либо нет!" Вихрь рванулся - в окно да в поднебесье; уж он носил, носил Ивана-царевича - и над горами: "Хошь, - говорит, - зашибу?" и над морями: "Хошь, - грозит, - утоплю?" Только нет, царевич не выпускает из рук палицы.

Весь свет Вихрь вылетал, утомился и начал спускаться; спустился прямо-таки в погреб, подбежал к той кади, что на правой руке стояла, и давай пить бессильную воду, а Иван-царевич кинулся налево, напился сильной воды и сделался первым могучим богатырем во всем свете. Видит он, что Вихрь совсем ослабел, выхватил у него острый меч да разом и отсек ему голову. Закричали позади голоса: "Руби еще, руби еще, а то оживет". - "Нет, - отвечает царевич, - богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу кончает!" Сейчас разложил огонь, сжег и тело и голову и пепел по ветру развеял. Мать Ивана-царевича радая такая! "Ну, - говорит, - сын мой возлюбленный, повеселимся, покушаем, да как бы нам домой поскорей; а то здесь скучно, никого из людей нету". - "Да кто же здесь прислуживает?" - "А вот увидишь". Только задумали они кушать, сейчас стол сам накрывается, разные яства и вина сами на стол являются; царица с царевичем обедают, а невидимая музыка им чудные песни наигрывает. Наелись-напились они, отдохнули; говорит Иван-царевич: "Пойдем, матушка, пора! Ведь нас под горами братья дожидаются. Да дорогою надобно трех цариц избавить, что здесь у Вихря жили".

Забрали все, что нужно, и отправились в путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потом за царицей серебряного, а там и за царицей медного царства; взяли их с собою, захватили полотна и всякой всячины и в скором времени пришли к тому месту, где надо с гор спускаться.

Иван-царевич спустил на полотне сперва мать, потом Елену Прекрасную и двух сестер ее. Братья стоят внизу - дожидаются, а сами думают: "Оставим Ивана-царевича наверху, а мать да цариц повезем к отцу и скажем, что мы их

отыскали". - "Елену Прекрасную я за себя возьму, - говорит Петр-царевич - царицу серебряного царства возьмешь ты, Василий-царевич; а царицу медного государства отдадим хоть за генерала".

Вот как надо было Ивану-царевичу с гор спускаться, старшие братья взялись за полотна, рванули и совсем оторвали. Иван-царевич на горах остался. Что делать? Заплакал горько и пошел назад; ходил, ходил и по медному царству, и по серебряному, и по золотому - нет ни души. Приходит в бриллиантовое царство - тоже нет никого. Ну, что один? Скука смертная! Глядь - на окне лежит дудочка. Взял ее в руки. "Дай, - говорит, - поиграю от скуки". Только свистнул - выскакивают хромой да кривой; "Что угодно, Иван-царевич?" - "Есть хочу". Тотчас откуда ни возьмись - стол накрыт, на столе и вина и кушанья самые первые. Иван-царевич покушал и думает: "Теперь отдохнуть бы не худо". Свистнул в дудочку, явились хромой да кривой: "Что угодно, Иван-царевич?" - "Да чтобы постель была готова". Не успел выговорить, а уж постель постлана - что ни есть лучшая.

Вот он лег, выспался славно и опять свистнул в дудочку. "Что угодно?" - спрашивают его хромой да кривой. "Так, стало быть, все можно?" - спрашивает царевич. "Все можно, Иван-царевич! Кто в эту дудочку свистнет, мы для того все сделаем. Как прежде Вихрю служили, так теперь тебе служить рады; только надобно, чтоб эта дудочка завсегда при тебе была". - "Хорошо же, - говорит Иван-царевич, - чтоб я сейчас стал в моем государстве!" Только сказал, и в ту ж минуту очутился в своем государстве посеред базара. Вот ходит по базару; идет навстречу башмачник - такой весельчак! Царевич спрашивает: "Куда, мужичок, идешь?" - "Да несу черевиками продавать; я башмачник". - "Возьми меня к себе в подмастерья". - "Разве ты умеешь черевиками шить?" - "Да все, что угодно, умею; не то черевиками, и платье сошью". - "Ну, пойдем!"

Пришли они домой; башмачник и говорит: "Ну-ка, смастери! Вот тебе товар самый первый; посмотрю, как ты умеешь". Иван-царевич пошел в свою комнатку, вынул дудочку, свистнул - явились хромой да кривой: "Что угодно, Иван-царевич?" - "Чтобы к завтраму башмаки были готовы". - "О, это службишка, не служба!" - "Вот и товар!" - "Что это за товар? Дрянь - и только! Надо за окно выкинуть". Назавтра царевич просыпается, на столе башмаки стоят прекрасные, самые первые. Встал и хозяин: "Что, молодец, пошил башмаки?" - "Готовы". - "А ну, покажь!" Взглянул на башмаки и ахнул: "Вот так мастера добыл себе! Не мастер, а чудо!" Взял эти башмаки и понес на базар продавать.

В эту самую пору готовились у царя три свадьбы: Петр-царевич собирался жениться на Елене Прекрасной, Василий-царевич - на царице серебряного царства, а царицу медного царства отдавали за генерала. Стали закупать к тем свадьбам наряды; для Елены Прекрасной понадобились черевички. У нашего башмачника объявились черевички лучше всех; привели его во дворец. Елена Прекрасная как глянула: "Что это? - говорит. - Только на горах могут такие башмаки делать". Заплатила башмачнику дорого и приказывает: "Сделай мне без мерки другую пару черевик, чтоб были на диво сшиты, драгоценными камнями убраны, бриллиантами усажены. Да чтоб к завтраму успели, а не то - на виселицу!"

Взял башмачник деньги и драгоценные камни; идет домой - такой пасмурный. "Беда! - говорит. - Что теперь делать? Где такие башмаки пошить к завтраму, да еще без мерки? Видно, повесят меня завтра! Дай хоть напоследки погуляю с горя с своими друзьями". Зашел в трактир; друзей-то у него много было, вот они и спрашивают: "Что ты, брат, пасмурен?" - "Ах, друзья любезные, ведь завтра повесят меня!" - "За что так?" Башмачник рассказал свое горе: "Где уж тут о работе думать? Лучше погуляем напоследки". Вот пили-пили, гуляли-гуляли, башмачник уж качается. "Ну, - говорит, - возьму домой бочонок вина да лягу спать. А завтра, как только придут за мной вешать, сейчас полведра выдую; пускай уж без памяти меня вешают". Приходит домой. "Ну, окаянный, - говорит Ивану-царевичу, - вот что твои черевички наделали... так и так... поутру, как придут за мной, сейчас меня разбуди".